

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВСЕВОЛОД ЛИХАЧЕВ

НАСЛЕДИЕ АРТАНОВ

РОМАН

Москва, 2017
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л65

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1077

Художник
М. Поповский

Лихачев В.

Л65 Наследие артанов: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 280 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2516-7

Если вас угораздит встретить на автостраде блондинку, ковыряющую под капотом неисправного автомобиля, — ни в коем случае не вздумайте останавливаться! Пронеситесь мимо на полной скорости, иначе вам придется столкнуться с точно такими же неприятностями, с какими столкнулся и главный герой этой книги — приличного вида молодой человек, занимающийся продажей «липовых» земельных участков в Подмосковье. Автомобиль, на первый взгляд самый обыкновенный, на деле оказывается настоящим космическим кораблем, который уносит нашего героя далеко за пределы Солнечной системы. Жизнь в иных мирах далеко не сахар, наш герой то и дело попадает в разные переделки, выбраться из которых ему помогает лишь природная смекалка и неудержимая тяга к жизни.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Всеволод Лихачев, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2516-7

ГЛАВА 1

— Хорошо, Андреич, да, я понял. Через шесть часов буду в офисе. У нас какие-то проблемы?

— Да нет, никаких. — Голос шефа звучал несколько устало, больше, чем обычно.

На какое-то время в трубке стало тихо, затем послышался некий характерный звук. Такой, словно кто-то гонял из стороны в сторону стакан по полированной крышке стола.

Я очень ясно представлял себе сейчас эту картину: сидит высохший, убеленный сединами семидесятидвухлетний старик с одутловатым лицом и скрюченными артритом пальцами снова и снова отправляет такой же старый, как и он сам, граненый стакан в недалекое путешествие, которое рано или поздно окажется для того последним. Но нет, звука разбитого стекла не было и на этот раз. Наверняка стакан остановился сейчас у самого края стола, застыл, балансируя над бездной, словно канатоходец.

— Как там Маринка?

— Маринка? Какая Маринка?

— Маринка, невеста твоя... — В голосе Андреича прозвучали отчетливо слышимые нотки удивления.

— Ах, Маринка? Ничего, нормально все у нее.

— Опять поссорились?

— Хуже.

Я выдержал многозначительную паузу, позволяя воображению шефа проделать свою работу.

— Понятно; разошлись, значит.

— Да, можно и так выразиться.

Откровенно говоря, никакой Маринки не было у меня и в помине, как не было ни Наташи, ни Людмилы, не говоря уже об Анастасии и Галине Ивановне. Все эти персонажи были вымышленными и не имели ничего общего ни со мной, ни с кем-нибудь другим из мира живущих.

Естественно, шефу об этом знать не полагалось. Моя насыщенная личная жизнь служила своеобразной ширмой, за которой я мог проделывать свои личные дела, причем преимущественно в рабочее время.

— Вчера собрала свои вещи и ушла. Сразу после того, как мы к ее матери в Миргород съездили.

— Погоди, в какой Миргород? К какой матери? Ты же у нее на прошлой неделе на похоронах был!

А вот сейчас следовало непременно что-то придумать, причем сделать это как можно быстрее, пока замшелые мозги в голове этого реликта позапрошлой эпохи не зашевелиятся со скрипом, оценивая и классифицируя полученную от меня информацию.

Но разум, как назло, был чист. Девственно чист. А значит, снова придется переходить к плану «Б». Мой взгляд словно ненароком переместился на стоящую в ногах пассажирского сиденья сумку, и на душе сразу как-то полегчало. Продажа липовых земельных участков в элитных районах города сдвинулась, наконец, с мертвой точки, и стала приносить реальную прибыль. Пусть небольшую пока — двадцать две тысячи баксов всего, но ведь это только начало; начало, так сказать, новой жизни.

— Алло! Алло! — Трубка в моей руке внезапно вновь заговорила знакомым скрипучим голосом. — Абонент находится вне зоны досягаемости сети. Абонент находится вне зоны досягаемости сети. Абонент находится вне зоны досягаемости сети...

Когда я решил, что тирада, озвученная оператором мобильной связи, слегка затянулась, одним движением пальца отключил диктофон. Поднес мобильник к уху и удовлетворенно хмыкнул, услышав спасительные короткие гудки. План «Б», как всегда, сработал.

Теперь уже ничто не отвлекало меня от моего любимого занятия — вождения автомобиля. И пусть в распоряжении моем была всего лишь старенькая «ауди», которой, по-хорошему, давным-давно место на свалке, но даже она на приличной трассе в умелых руках могла творить настоящие чудеса. Когда-нибудь, а точнее — в самом что ни на есть скором времени, я прикуплю себе нечто более стоящее, и тогда...

Что будет «тогда» — я додумать не успел. За какие-то доли секунды глаз успел выхватить силуэт автомобиля сразу же за поворотом дороги, нога до упора вдавила педаль тормоза, а руки сами по себе выкрутили руль вправо, заставляя мою старушку выполнить довольно замысловатый акробатический пируэт с тройным переворотом через крышу, и вновь встать на колеса.

...Через какое-то время я нашел в себе силы открыть глаза и пошевелиться. Руки-ноги целы, видимых повреждений нет. Вроде бы нет. Но так ли это на самом деле? Тело — сплошной ком боли: отбито, кажется, все что только можно. Горит огнем копчик, болит грудь — наверняка на ней синюшные кровоподтеки. Сейчас я могу лишь ощущать это: для того, чтобы увидеть, понадобилось бы для начала отстегнуть привязные ремни, что змеями опоясаны вокруг моего тела, а затем, презрев опасность разрыва селезенки или какого-нибудь другого внутреннего органа, извернуться и высадить ногами смятую в лепешку дверь. Можно ли мне сейчас двигаться? Вопрос довольно риторический в свете минувших событий. В салоне крепко пахнет бензином, одной-единственной искры будет достаточно для того, чтобы этот комок металлолома превратился в пылающий факел.

— Мм... — С губ моих самопроизвольно срывается стон.

Удивительно, конечно, но он не остается без ответа:

— Вам нехорошо?

Мне? Мне нехорошо? Это мне-то сейчас *нехорошо*?!

— Да нет, что вы, мне просто отлично. Я здесь отдохнуть прилег. Знаете ли, на улице немного прохладно.

— Ой, простите тогда, что я вас побеспокоила. Я, пожалуй, пойду.

И вправду: совсем рядом послышался удаляющийся цокот каблучков. Дура? Идиотка? Или просто прикидывается?

— А ну стоять!!!

Оказывается, кричать я не могу, получается только тихий шепот. Видимо, что-то с легкими или с горлом. В такую минуту я искренне сожалею, что почти ничего не понимаю в медицине.

Заставить себя повернуть голову стоило мне невероятных усилий, но зато в зеркале заднего вида я смог рассмотреть удаляющуюся женщину. Ну, все понятно: блондинка. Ноги от ушей, белокурые пряди рассыпаны по плечам. Туфли на высоких каблучках-шпильках только подчеркивают идеальную стройность фигуры. Укороченные до минимума синие шорты не в состоянии даже полностью прикрыть бесстыдно выглядывающие из-под них ягодицы. А еще на ней белая облегающая футболка, делающая ее формы настолько соблазнительными, что... Только сейчас я понял, что мысли мои — вовсе не о том, о чем следовало бы думать в данной ситуации, и если положение дел кардинально не изменится в самом ближайшем будущем, то спина удаляющейся блондинки станет последним, что я увижу в своей жизни.

Всласть выматерившись, я заставил-таки себя оторвать взгляд от зеркала. Так, первым делом следует освободиться от ремней безопасности. Это ведь совсем просто, главное — не заикливаться на рвотных позывах, которые, стоило лишь пошевелиться, стали следовать с завидной периодичностью. Плавно, словно в замедленной киносъемке, правая рука опускается вниз, пальцы ее нащупывают заветную кнопку. Клац! Первая победа окрыляет, придает дополнительных сил. А теперь — повернуться боком, затем отклониться назад и осторожно опустить голову на пассажирское кресло. Полежать так, не шевелясь, до тех пор, пока перед глазами не перестанут прыгать багровые пятна...

Видимо, на какое-то время я потерял связь с реальностью, поскольку обнаружил себя уже бредущим по шоссе. Вполне целенаправленно, между прочим. Ноги сами несли меня в ту сторону, куда удалилась злополучная блондинка.

А вот и машина. Ее машина. В этом никаких сомнений нет, гламурный фиалковый цвет корпуса говорит сам за себя. Вот только какой она модели, я почему-то в упор не могу разобрать. Да, впрочем, это и не важно. Гораздо больше сейчас меня интересует ее хозяйка, ведь именно по вине этой безмозглой курицы, остановившей свою колымагу у самого поворота, и произошла эта идиотская авария.

— Тварь.

— Вы что-то сказали?

Ну да, а вот и она. Кто б сомневался? Обойдя автомобиль, я обнаружил свою старую знакомую, склонившуюся под открытым капотом, и уже открыл было рот, чтобы высказать все то, что накопело у меня на душе, как вдруг взгляд мой случайно зацепился за ее... нет, не то чтобы мне было интересно, просто я никогда не понимал: зачем так широко расставлять ноги, когда наклоняешься под капотом неисправного автомобиля?

— Ну что там у тебя?

— Не работает, представляете? А ведь ему еще и года нет!

Теперь она повернулась, и я смог увидеть ее лицо. Ага, невинные голубые глаза, легкий румянец, ямочки на щеках, чуть вздернутый подбородок сердечком. От всего ее облика веет наивностью и какой-то чересчур уж излишней утонченностью. Не в моем вкусе, короче, девица. Истинная женщина — это вам не фарфоровая статуэтка, она обязана иметь ширококостное телосложение и развитую мускулатуру, для того чтобы выполнять всю работу по дому, пока мужчина занят более важными делами.

— А вы, я смотрю, уже отдохнули?

Нет, ну она что, реально такая дура или попросту издевается?

Я вновь открыл было рот и едва не задохнулся, сдерживая в себе поток изощренных ругательств. Только сейчас вспомнил, что вокруг нас на многие километры расстилается лес, а по шоссе за все это время не проехала ни одна машина, и вряд ли что-то в этом отношении изменится в ближайшем будущем.

Справившись кое-как с нахлынувшим приступом бешенства, я заставил себя доковылять до автомобиля девицы и тоже заглянул под капот. Мать честная, чего там только не было!

Какие-то шестеренки, трубки, металлические детали такой заковыристой конфигурации, от одного вида которых поневоле бросает в дрожь. И все это переплетается, скручивается, свешивается, стягивается невообразимым адским клубком, заставив меня похолодеть, истуканом застыть на месте, тупо вперившись взглядом в одну точку. Господи, да под капотом даже банка была, в которой ползало что-то фиолетовое!

Тем не менее признаваться в собственной некомпетентности этой гламурной пустышке почему-то отчаянно не хотелось. А потому, напустив на себя максимально деловой вид, я вежливо осведомился:

— В чем проблема-то? Не заводится или топливо кончилось?

К моему удивлению, блондинка ответила вполне уверенно:

— Я думаю, что метеорит попал в топливопровод. Видите?

Действительно, под автомобилем уже начала образовываться довольно значительная лужа.

Слово «метеорит» заставило меня ухмыльнуться. Я уже давно обратил внимание на то, что блондинки в нашем обществе являются как бы отдельной кастой, у которой даже язык свой собственный имеется.

— Метеорит — в смысле, камень?

— Да, наверное, камень.

— Ладно, разберемся. А ты сходи пока к моему автомобилю, если не сложно, и достань из салона черную кожаную сумку. Лады?

— Лады. — Похоже, эта идея с сумкой ей не очень понравилась, но мое обещание отремонтировать машину все-таки перевесило нежелание соваться в готовую вот-вот вспыхнуть пороженную развалюху.

Протечку я нашел достаточно быстро. Трубка этого самого топливопровода по диаметру была весьма невелика, толщиной с указательный палец, а аккуратное круглое отверстие с оплавленными краями, из которого бодро вытекала какая-то белесая жидкость, оказалось и того меньше. Проблема была в другом: чем заделать эту дырку, не имея под рукой буквально ничего, кроме разве что веток, листьев и еловых шишек? И вообще: это же с какой скоростью надо гнать, чтобы выбро-

шенный из-под колес небольшой камень смог пробить металл корпуса да еще и топливопровод в придачу? Более того: крайне заинтересованный, я не поленился обойти машину и обнаружил выходное отверстие. Выходит, камень прошел насквозь передок и полетел себе дальше! Чудеса...

Прогремевший неподалеку взрыв заставил меня испуганно втянуть голову в плечи. Это мой четырехколесный друг, умирая, напоследок оказал мне небольшую услугу. Что ж, прощай, безвестная блондинка: надеюсь, на небе тебе будет лучше, чем здесь.

Сунув руку в правый карман пиджака, я с удовлетворением обнаружил в нем початую пачку «Орбита». Отлично! Судьба опять благоволила ко мне, вручив в подарок не только шикарную тачку, но и универсальное средство для временного приостановления течи в топливопроводе ее двигателя. Тщательно разжевав жвачку так, чтобы в ней не осталось крупинок, я соорудил из полученной клейкой массы аккуратную заплату и приклеил ее на место пробоя. Мне кажется или задумка моя сейчас действительно удалась? И правда: не капает. Ай да я, ай да молодец! Доехать бы до ближайшего центра техобслуживания, а там хоть трава не расти!..

— Возьмите, вот ваша сумка. — Голос девушки звучал достаточно живо. Вовсе не похоже было, что она говорила со мной сейчас из астрального мира. — Вы уже нашли течь?

— Да, уже и залатать успел, пока кое-кто лазит непонятно где. Надеюсь, содержимое сумки проверять не надо?

Судя по тому, как округлились ее глаза, мое беспокойство было явно излишним.

— Ладно, садись, прокачу с ветерком.

— А вы умеете управлять гелиостропом?

Ну вот, еще одно новое слово из блондинистого арсенала.

— И гелиостропом, и хвостодрыгом, и стрипхренозавром. Садись, кому говорят!

Она села. Расположилась в пассажирском кресле, по-пуритански сомкнув ноги в коленях, и теперь с любопытством наблюдала за выражением моего лица, когда я, взгромоздившись на сиденье водителя, соизволил обратить, наконец, свое внимание на приборную доску и органы управления данным агре-

гатом. Так выглядел бы, наверное, орангутанг, додумайся кто-то посадить его за рычаги управления трактором.

Да-а-а... сподобились же изготовители (наверняка японцы) сотворить такое сверхтехнологичное *нечто*. Приборная доска — словно рождественская елка: мерцает, перемигивается разноцветными огоньками, поблескивает бесчисленными хромированными переключателями, кнопками; внутри нее, кажется, даже реле какие-то пощелкивают, хотя это было бы нонсенсом. Штук восемь шкал с люминесцентной подсветкой испещрены непонятными знаками, символами... Да что там приборная доска — у этой тачки даже руля нормального не было, не говоря уже о рычаге переключения передач!

Так, спокойно. Главное, не паниковать и взять себя в руки. Нет у тачки руля — ну и ладно, мы за вон ту хрень подержимся, что между моими расставленными ногами торчит с монументальностью мужского детородного органа. Там, похоже, даже выемки для пальцев имеются, по пять с каждой стороны. И лицо, лицо попроще, а то вон у блондинки уже ехидная улыбка так и норовит проявиться, не иначе как злорадствует от души, зараза. Ой, да ладно, бывали мы и не в таких передрягах. Где у нас тут ключ зажигания вставляется?

— Возьмите.

Чертовка словно подслушивала мои мысли. На ладошке ее уже поблескивал короткий тонкий штырек настолько непримечательного вида, что никогда и не подумал бы, что это ключ. Так, теперь бы найти подходящую дырку, а то что-то в последнее время у меня с этим проблемы.

— Признайтесь, вы совершенно не умеете водить гелиостроп!

— Это я-то?.. Это я-то не умею?!

Нежный, мелодичный перезвон смеха блондинистой стервы окончательно вывел меня из состояния привычного равновесия; недолго думая ткнул ключом в первое попавшееся отверстие, и когда он вошел туда с тихим щелчком, а на одном из табло загорелись какие-то цифры, чисто интуитивно нажал затем на большую прямоугольную кнопку, что располагалась на самом видном месте и горела приветливым зеленым цветом.

То, что произошло потом, обычным человеческим языком описать весьма сложно. Проклятая таратайка дрогнула, будто собираясь с силами, а потом практически бесшумно рванулась к небу, буквально в считанные мгновения преодолела околоземное пространство и зависла среди бесконечного сонмища звезд. Или мне так только показалось, что зависла? Вполне возможно, что она продолжала свое движение, но достаточно адекватно отслеживать ситуацию у меня сейчас просто не было никакой возможности. Ладони вспотели, а отвратительная, вязкая дурнота накатила с такой невыносимой силой, что...

Кто-то бил меня по щекам. Не то чтобы это было слишком больно, мое тело за последние годы достаточно неплохо адаптировалось к побоям, но именно эти настойчивые похлопывания мешали мне вновь погрузиться в нирвану, где нет места ни мерцающим звездам, ни блондинкам с их демоническими агрегатами, ни... вообще ничего, кроме абсолютного, всепоглощающего умиротворения. Да, был у меня один пункт: я панически боялся высоты. Причем боязнь эта была не врожденная, а, так сказать, свежеприобретенная вследствие непредвиденных жизненных неурядиц. Любой на моем месте обзавелся бы акрофобией, случись ему вдруг оказаться подвешенным за ноги на высоте двадцатичетырехэтажного здания, когда два гориллоподобных полудурка в любой момент могут разжать пальцы и отправить твое тело навстречу гипнотически поблескивающей полосе асфальта. Было бы за что... так нет же, сумма моего долга оказалась тогда настолько смехотворной, что я не замедлил его немедленно выплатить, едва меня вернули в первоначальное, природное положение. Сволочи... Даже теперь, по прошествии довольно продолжительного промежутка времени, я не переставал помнить их лица.

Похлопывания не прекращались. Неужели сейчас мне придется открыть глаза и вновь узреть пугающую бесконечность космического пространства? Да ни за что на свете! Пусть белобрысая хоть переломится, я и пальцем не пошевелю. Все, нет меня. Я умер. «Нет, но предупредить-то хотя бы она могла? Что, дескать, никакой это у нее не гребаный автомобиль, а самый настоящий космический корабль? — Эта новая мысль всколыхнула во мне целую волну невыносимой ярости»

сти. — Стерва, дрянь межпланетная, потаскуха! Нет, я это дело так не оставлю!»

На этот раз гнев мне оказался не врагом, а союзником. Глаза приоткрылись и встретились взглядом с ее глазами. Ну надо же, переживает! Вон как волнуется, даже губы побелели. А самое обидное состоит в том, что все те эпитеты, которые крутятся на языке, я почему-то не могу высказать вслух. Да что это со мной, ей-богу?

— Вы не умерли?

О господи, ну за что, за что ты сейчас караешь меня?!

— Нет, не умер, как видишь.

Удивительное дело: оказывается, если на чем-то конкретном сосредоточить все свое внимание, то дурнота и головокружение проходят, главное при этом — ни в коем случае не глядеть по сторонам, потому что там, за хлипкими стеклами, во всей своей красе раскинулись чужие созвездия, плавающие в глубокой черноте космоса.

— А почему вы на меня так смотрите?

— Да никак я на тебя не смотрю!

Ладони вновь предательски вспотели. Надо, надо оторвать взгляд от ее лица и сосредоточить его на чем-то другом, на чем угодно... Но до чего же чертовски сложно это проделать!

— Ты почему мне не сказала, что это космический корабль?

— Простите?..

— Мне что, следует повторить вопрос?

Впервые за время нашего знакомства в голосе девушки прозвучали обиженные нотки:

— Я говорила. Разве вы не помните? Еще спрашивала у вас, умеете ли вы управлять гелиостропом. Вы сказали, что умеете. Откуда мне было знать, что слова ваши не более чем пустая бравада?

А вот это уже удар ниже пояса. И ответить на него по большому счету нечего.

— Ладно, проехали. Давай возвращай меня обратно, накатался уже.

Девица явно замешкалась. Не знаю уж, что творилось сейчас в голове у моей собеседницы, но лоб ее от кипучих мысли-

тельных процессов пошел морщинами. Плохой знак, очень плохой. Если блондинка начинает думать — значит, неминуемо быть беде.

— Ну давай уже, не томи. Что я сейчас должен сделать? Кнопку, может, какую нажать надо?

— Вы — ничего. Да и я, наверное, тоже.

— Что значит «ничего»? Я домой хочу! *Домой!!!*

Безудержный приступ страха вновь накрыл меня холодной волной, парализуя конечности.

— Пожалуйста, не переживайте вы так. Очень скоро вас непременно доставят... домой. Только не сейчас, а чуть позже. Видите ли, дело в том, что....

— В чем, в чем дело?

— Что я не умею водить гелиостроп. Совсем. — Она выдохнула эти слова как-то вот так, одним махом, словно ушат воды вылила, и теперь с любопытством ожидала моей реакции.

— То есть как «не умеешь»?..

Дурацкий вопрос. Только сейчас я понял это, когда сопоставил две вещи: не обезображенное интеллектом лицо блондинки и большую зеленую кнопку на панели управления. Автопилот. Ну конечно, а как же иначе? Кто-то задал программу полета еще на ее родной планете, усадил в кабину эту куклу, уж не знаю кто она ему там, и теперь корабль не прекратит свой полет до тех пор, пока не достигнет пункта назначения, который и станет концом ее — а теперь уже и моего — вынужденного путешествия. Стоп, тогда как она очутилась на Земле? Хотя нет, все сходится. Приняв во внимание последствия аварии, автопилот принял решение совершить вынужденную посадку на ближайшей пригодной для жизни планете. Ладно, идем дальше. Каковы теперь будут мои действия?

Странное дело: стоило мне осознать, что прямо вот сейчас, сию минуту, на Землю мне попасть уже не суждено, как оковы страха чудесным образом разжались, и я обнаружил, что взгляд мой направлен уже не на лицо своей вынужденной попутчицы, а напрямик в космическую бездну. Удивительное, ни с чем не сравнимое ощущение! Были в нем и дикий экстаз, и религиозный трепет... Гремучая, взрывоопасная смесь! Ка-

залось, протяни руки — и ты сможешь поддержать в ладонях звезду...

— Не умею, и все. А права мне папа купил!

Заявление белобрысой вернуло меня с небес на землю. Надо же, до боли знакомая ситуация. Матушка-Вселенная особо не заморачивается: куда ни кинь взгляд — везде происходит одно и то же.

— Понимаете, я и правда подумала, что вы можете водить гелиостроп. Мне очень, очень нужно попасть в другое место.

— Не в то, куда автопилот запрограммирован? А вот теперь поподробнее, пожалуйста!

Зря, ох зря я это сказал! Слова из девицы полились непрерывным потоком, этаким стремительным горным ручьем, перекрыть который не было уже никакой возможности. На меня выплеснулись бурные волны информации, причем настолько между собой не связанной, что мозгам в моей черепной коробке вскоре стало жарковато, и они принялись понемногу закипать. Сейчас я вкратце перечислю то, что от нее узнал. Итак: родная планета этой безмозглой курицы — Оооцингнитарговпачилло (произнеся последнее «о», надо немного побулькать), сама она не замужем, но у нее уже есть жених — некий Крекопессий, из очень приличной семьи, кстати, сей молодой человек, да и она не какая-то там гвиноскуха, а самая что ни на есть потомственная карчемьяка. На кого она учится, я так и не понял, ибо в слове том было слишком много согласных; куда она направляется — тоже не понял, только порядочной карчемьяке там не место, но папа отправляет ее туда за какие-то там непонятные провинности. Короче, накосячила, видать, девка по полной, вот папочка и подсуетился, замыслив сплавить свое отсталое чадо в какое-то подобие пансиона для благородных девиц. Далее понесла она уже совершенно невнятную чушь, и я, чтобы перевести беседу в нужное для себя русло, вынужден был вежливо поинтересоваться:

— И все-таки? Куда бы ты хотела попасть, окажись вдруг, что я действительно умею водить эту штуку? — Рука моя изобразила в пространстве нечто вроде неправильного эллипса.

— Как, разве я вам еще не сказала?.. В планетомаркет «Архарионна», естественно, куда же еще?

А и вправду: как же это я сразу-то не догадался? Старее, наверное.

— Архарионна.... А что это?

— *Планетомаркет*. — Она посмотрела на меня так, словно я был маразматическим старцем, позабывшим нацепить на ухо свой слуховой аппарат. — Он единственный на всю галактику, других таких просто нет!

— То есть ты имеешь в виду, что... Господи, да такого просто не может быть!

— Может, еще как может! — Моя сиюминутная растерянность блондинке невероятно польстила. — Да-да, вы только представьте себе: целая планета массой в две тысячи четыреста миллионов гастов, вращающаяся вокруг звезды класса Q24, превращена в один гигантский, практически бесконечный супермаркет, в котором есть все, абсолютно все! Товары со всех концов галактики, из всех миров представлены здесь в таком широком ассортименте, который вы не встретите больше нигде!

Я послушно прикрыл глаза, представляя себе бесконечные ряды полок, уходящие в неведомые дали и исчезающие где-то далеко-далеко за горизонтом. Скукотища... Упаси господа попасть в такое место с девицей наподобие той, которая восседает сейчас подле меня в пассажирском кресле. Ее-то наверняка и из обычного супермаркета вытянуть не так-то просто. Нет уж, увольте. Хотя с другой стороны... может быть, и удалось бы пожить там чем-нибудь полезным.

— Говоришь, все у них там есть? А как насчет боевых крейсеров?

— Если вы о крупногабаритных боевых гелиостропах со сверхтяжелым вооружением на борту, то конечно же да, есть. Разных моделей и конфигураций. Мой папа...

— Да задолбала ты меня уже со своим папой! Давай так: я доставляю тебя к этому самому планетомаркету, а ты мне за это покупаешь все, что я для себя выберу. Идет?

Я уже представлял себе, как вытянутся лица моих недругов, когда я прибуду на свою родную планету на гигантском космическом блюдце, ощетинившемся во все стороны жерлами

крупнокалиберных пушек. Нечего сказать, забавная получилась картинка.

Моя собеседница ответила практически сразу, не колеблясь:

— Хорошо, я согласна.

Хотя бы поторговалась ради приличия, что ли.

— А деньги-то у тебя есть, детка?

— И никакая я вам не детка; у меня, между прочим, имя есть! И деньги, кстати, тоже! — Она ткнула мне под нос нечто вроде прямоугольной пластиковой карты. — Мой папа....

— Хорошо-хорошо, я понял.

Кажется, девчонка не на шутку обиделась. Я же сделал себе зарубку в памяти: впредь со своим нанимателем следует обращаться чуточку повежливее. А, кстати, каким образом я собираюсь выполнить свое обещание? Ладно, потом помозгуем. Сейчас организму крайне необходимо отдохнуть и расслабиться, раз уж мне не светит немедленная госпитализация. Все тело болит, а голова похожа на мыльный пузырь: такое ощущение, что стоит к ней прикоснуться, и она лопнет. Как ни хорохорься, как ни выпендривайся перед инопланетной красоткой, а все равно умом понимаешь: автомобильная авария не прошла для тебя даром.

Наверное, вид у меня был сейчас действительно не очень здоровый, поскольку моя новая знакомая сама предложила мне немного поспать и даже показала, как кресло переводится в горизонтальное положение, превращаясь в узкую, но вполне функциональную койку. Прилегла и сама, проделав в точности такие же манипуляции и со своим креслом, затем произнесла вслух несколько непонятных слов, и кабина гелиостропа погрузилась во тьму.

Сон упрямо не шел ко мне. Да оно и немудрено, впрочем. Череда недавних событий кого угодно выбила бы из колеи. Кого угодно, но только не эту... я скосил глаза и украдкой окинул взглядом ангельское личико своей соседки. Ну надо же — спит! И, между прочим, умудряется посапывать при этом так беззаботно, что поневоле зависть берет. Вот уж у кого крепкая нервная система! Мысли мои стали путаться, перескакивать с одного на другое. Почему-то вспомнилось, что имени девушки

я так и не удосужился узнать; надо будет, при случае, обязательно исправить эту оплошность, но все это будет потом... потом, а сейчас...

«Утани гепоцитани! Утани гепоцитани! Крипко! Крипко!»

Моя кровать внезапно всколыхнулась, что-то в ней жалобно скрипнуло, а затем она будто схлопнулась, едва не размазав свое содержимое, то есть меня, по лицевой части кабины. К счастью, помешали этому очень кстати выскочившие непонятно откуда привязные ремни, накрепко зафиксировавшие мое тело в сидячем положении. Теперь кровати как таковой не было: буквально в считанные мгновения она приняла свой первоначальный вид водительского кресла. Да что, в конце концов, здесь происходит, черт побери? Я был уверен, что не произнес эти слова вслух, но девица каким-то образом все-таки умудрилась на них ответить:

— Аварийная ситуация. Сейчас поисковая система гелиостропа ищет ближайшую пригодную для жизни планету для того, чтобы совершить на ней вынужденную посадку. Не беспокойтесь.

Она еще меня утешает! Стараясь, чтобы голос мой прозвучал как можно более нейтрально, я позволил себе поинтересоваться:

— А что случилось-то? Из-за чего весь этот сыр-бор?

— Даже не знаю.

— А кто знает? Может быть, я?

На мою колкость блондинка никак не отреагировала. Казалось, она напряженно ждала чего-то важного, что должно было сейчас произойти, вцепившись в подлокотники кресла так, что побелели костяшки пальцев. Внезапно корабль дрогнул, нос его ощутимо повело вправо, а из скрытых динамиков вновь полились слова незнакомой речи. Только теперь она позволила себе расслабиться — я понял это по тому, как опустились ее плечи.

— Что, хорошие новости?

— Да, гелиостроп нашел неподалеку подходящую планету, и сейчас мы направляемся к ней.

— А мог и не найти?

— Ну конечно же, — она была не на шутку удивлена, что я не понимаю таких, казалось бы, очевидных вещей, — планет, пригодных для жизни, в галактике не так много. Расстояния между ними зачастую настолько огромны, что требуется немало времени для того, чтобы преодолеть их.

— То есть если бы он не нашел сейчас нужной планеты, то мы могли погибнуть?

— Вполне вероятно. Нет, планету он бы нашел, не мог не найти, но если бы она находилась чуточку дальше, чем следовало, то мы бы до нее просто могли не успеть добраться.

Теперь до меня дошло, наконец, что же заставило поволноваться мою блондинистую попутчицу.

— Ну что я могу сказать? Рухлядь у тебя, а не космический корабль. Китайская поделка, одним словом.

«Кстати, а как мы умудряемся друг друга понимать?..» — Новая мысль пришла мне в голову совершенно внезапно, и неслабо озадачила. А действительно? И почему я раньше не задумался над этим вопросом?

— Нашему обоюдному общению помогает лингвин, который живет у меня вот здесь, — она неопределенно покрутила пальцем у своего правого виска. — Или здесь. Временами он перемещается, ему тоже скучно долго жить на одном месте.

— Это еще что за зверь такой?

— Разумный симбионт. Вы и этого не знаете?

Я тактично промолчал. Теперь моя попутчица предстала передо мной в совершенно ином свете. Я смотрел на это милое личико, любовался безбрежной голубизной ее прекрасных широко распахнутых глаз, а сердце мое переполняла острая жалость. Господь мало того что сотворил это чудо блондинкой, так еще и позволил себе вдосталь поиздеваться над ней! Ну откуда, откуда, спрашивается, взяться в этой маленькой головенке крупичам мозга, если в ней, ко всему прочему, еще и обосновался какой-то космический паразит, ползающий в черепной коробке туда-сюда как по Бродвею? Бедняжка.

— Ты не в курсе, планета, на которую мы сейчас летим, обитаема?

Она беспомощно пожала узкими плечиками:

— Не в курсе, но очень скоро мы это узнаем.

— А заранее никак нельзя?

— К сожалению, для того чтобы получить доступ к хранящейся в базе данных информации, необходимо перейти в режим ручного управления: автопилот полностью контролирует все системы гелиостропа, включая, кажется, даже систему жизнеобеспечения.

Очень жаль. Что ж, остается только ждать, пока поврежденная машина не выполнит свою задачу. Ждать и надеяться на лучшее.

Прошло минут пятнадцать, прежде чем динамики вновь заговорили, а сквозь стекла космического автомобиля я смог созерцать никогда не виденное ранее зрелище: приближение неизведанной планеты — крошечной голубой бусинки, плавающей в безбрежных глубинах космоса.

Впрочем, не такой уж она оказалась и крошечной. С каждым мгновением планета становилась все больше, наползая на нас, словно бульдозер на подлежащий сносу газетный киоск. Через некоторое время на ней можно было уже разглядеть материки и океаны, чуть позже — даже ниточки рек, венозными артериями опоясывающие и гряды величественных гор, и нескончаемые лесные массивы приятного каштанового оттенка.

— Смотрите-ка, город! Город! — Девчонка заметила его первой и теперь едва ли не прыгала от восторга в своем кресле.

Я же, раздосадованный, что прошляпил эту гигантскую уродливую проплешину на теле готовящейся нас приютить красавицы-незнакомки, сподобился лишь сердито насупить брови:

— Ну, город... Неизвестно еще, что нас там ожидает.

Реплика моя осталась без ответа. А зря. Между прочим, я был уверен, что чертовски прав. Эфир-то молчит. Никаких запросов, никаких разрешений на посадку. Даже я понимаю, что это совсем не нормально. Неужели существам, населяющим планету, абсолютно без разницы, что за корабль к ним приближается и с какими намерениями?

Гелиостроп между тем, порыскав по орбите, словно собака-ищейка, вдруг целенаправленно пошел вниз с такой скоростью, что завтрак, съеденный мною еще утром в придорожной забегаловке, начал настойчиво проситься наружу. К счастью,

все на свете имеет и свое начало, и свой конец — падение наше сменилось плавным скольжением над древесными кронами, а затем прекратилось и оно, когда компьютер корабля без малейших сомнений бросил судно в образовавшийся просвет между ними.

— Все, вставайте, приехали.

Неужели? Я приоткрыл левый глаз и оценивающе осмотрел им кабину. Кажется, никаких повреждений нет, вынужденная посадка прошла вполне удачно.

— Как думаешь, мы далеко сейчас от города?

— Не знаю. Надеюсь, вы не собираетесь отправляться туда, потому что у нас очень мало времени. Я хочу, чтобы вы устранили неисправность и доставили меня наконец на Архарионну, как обещали.

— Да помню я, помню. Ладно, давай выбираться из этой дыры.

Демонстративно хлопнув дверцей, я вылез наружу, с опаской втянул через ноздри прохладный воздух. Вроде ничего. Свежестью пахнет, прелой листвой с тонким, едва уловимым грибным ароматом. Куда ни кинь взгляд — повсюду буйство осенних красок, опавшие листья успокаивающе шуршат под ногами. Парадокс, но даже в увядании есть своя особая, ни с чем не сравнимая прелесть. Присутствует здесь и тихая, созерцательная грусть, и толика щемящей тоски, которые, смешиваясь с горьковатым запахом полыни, терзают, теребят душу, заставляя задуматься о чем-то более возвышенном, чем твое жалкое полурастительное существование. В такие минуты хочется ничего не делать, а просто стоять с закрытыми глазами, ощущая, как вокруг тебя происходит таинство уходящей жизни...

— Что с вами?

— Со мной? Ничего.

Я и не заметил, как она вышла. Наваждение внезапно исчезло, вспугнутое беспардонностью незнакомки.

— Тебя как зовут?

— Эльвианора. А вас?

— Илья.

— Хорошее имя. Сильное.

— Почему «сильное»?

— Не знаю. Сильное — и все.

Мне кажется или на нее тоже подействовало очарование осени?

— Оденся. Холодно.

Девушка послушно кивнула и вновь вернулась к гелиостропы. Через минуту она вышла, зябко кутаясь в тонкое одеяло из полупрозрачной материи.

— У тебя с собой даже свитера нет?

— Нет. Мой папа очень спешил, отправляя меня на Шимитар.

«Эльвианора...» — мысленно произнес я ее имя, как бы пробуя его на вкус. Что ж, звучит, пожалуй, даже лучше, чем «тулая блондинка» или «безмозглая космическая стерва».

— А кто твой папа, если не секрет, и почему он так спешил?

— Мой папа... не знаю, как правильно это объяснить. На вашем языке, кажется, есть схожее по смыслу слово, в какой-то степени отображающее его истинное общественное положение. Это слово «диктатор», если я не ошибаюсь. Правитель одиннадцати планетных систем и пояса тритауриевых астероидов. — Не обращая внимания на мое вытянувшееся от удивления лицо, она продолжала как ни в чем не бывало: — Мне кажется, что у него в последнее время возникли какие-то проблемы по работе... не знаю, он не говорил какие, но дело вовсе не в том, что я разбила фамильную вазу Драанской династии на приеме у посла Кардинавии. Это просто повод, понимаете? Повод!

Девушка едва не плакала. Я готов был поклясться, что еще чуть-чуть, пара-тройка невинных вопросов, и из глаз моей собеседницы ручьем потекут слезы.

— Я все понял, успокойся. Ну конечно же это повод. — Сам не зная, зачем я это делаю, прижал Эльвианору к груди, согревая ее теплом своего тела.

Удивительное дело: она даже и не подумала вырываться. Просто вздрогнула поначалу от неожиданности, а затем замерла, не смея пошевелиться. Словно птенец, выпавший из гнезда и поднятый руками сердобольной старухи.

— Поверь мне, все будет хорошо; хорошо, я обещаю.

Она не отвечала. Только прижималась ко мне все теснее, словно боясь, что я исчезну, испарюсь, растворюсь в этом разгуле осенних красок безвестной планеты, оставив после себя только постылое одиночество.

Так мы стояли довольно долго, пока внимание мое не привлек хруст сломанной ветки, прозвучавший в окружающей нас безмолвной тишине словно выстрел. Обернулся резко, всем своим естеством предчувствуя грядущие неприятности. Но нет, пронесло на этот раз — к нам приближалась не какая-нибудь там устрашающая инопланетная тварь с истекающей слюной зловонной пастью, а всего лишь забавный карлик с лицом обиженного мопса. Несуразный весь какой-то, скособоченный, вся морда в кожистых складках, да ко всему прочему, похоже, еще и горбатый. В правой руке у него было что-то зажато. Приглядевшись, я понял, что это довольно крупная ящерица красивого пурпурно-оранжевого оттенка, тарашившая на меня с не меньшим интересом, чем и я на нее.

— Эльвианора, ты только посмотри, какое чудо!

Девушка послушно повернула голову. Слезы, так и норывившие выплеснуться из ее небесно-голубых глаз, немедленно высохли.

— Ой, ну надо же, какой милашка! Иди к мамочке, малыш!

Она оторвалась наконец от моей груди и поспешила к гостю, проваливаясь острыми шпильками-каблуками в податливо-рыхлую землю. Улыбка карлика стала еще более умильной, когда Эльвианора приблизилась к нему на расстояние вытянутой руки, а затем... затем произошло невозможное. Уж не знаю, что он там сделал со своей ящерицей, со стороны было похоже, что карлик просто нажал на какую-то точку у нее на брюхе, но та вдруг внезапно надулась, злобно засверкала опаловыми глазками и плюнула в подошедшую девушку клубком отвратительной черной слизи.

— Ах ты скотина!!! — Уже на бегу я успел краем глаза заметить, как падает моя подопечная наземь с лицом, искаженным болью, как закатываются ее глаза.

Карлик был уже совсем близко. Рывок — и кулак мой врежется в его приплюснутую морду: я чувствую, как ломаются в ней хрящи, а моя рука окрашивается его кровью, в точности

такой же черной, как и слюна ящерицы, что пригелась у него в руке.

— На, получи, урод! — Еще один удар примерно в то же самое место. Уж не знаю, что на меня нашло, на самом-то деле я не ахти какой боец; здесь, видимо, сыграло свою роль нештучное волнение за доверившуюся мне девушку, лежавшую сейчас недвижимо на холодной земле чужой планеты. Чужой в полном смысле этого слова.

Я молотил карлика очень долго. Он уже не стоял — мешком валялся на земле, а я, сидя на нем, долбил и долбил кулаками по отвратной морде, которая, похоже, становилась еще более приплюснутой, чем была до этого.

Как ко мне подошли со спины еще двое — я уже не заметил. Ощутил лишь, как в шею мне впивается что-то мокрое, этакий тугой липкий сгусток, и тотчас же закатывается за воротник, впитывается в кожу, заставляя ее неметь; онемение это распространяется все дальше, захватывает конечности, парализует губы. Теперь я уже не кричу — некогда. Мне нужно успеть намертво вцепиться зубами в ногу одного из уродцев, прежде чем тело окончательно перестанет повиноваться, а сознание улетит прочь... прочь от проклятой планеты и ее обитателей.

ГЛАВА 2

Я лежу на чем-то холодном и твердом — именно такой сделал вывод, когда заставил себя пошевелить рукой, превозмогая острую боль в суставах. Откуда боль, кстати? Последствия попавшей мне на кожу парализующей слизи? Возможно. Но с этим буду разбираться позже, а сейчас меня в первую очередь интересуют всего две вещи: где я, и что с Эльвианорой: жива ли она. У меня до сих пор стояло перед глазами ее белое как мел лицо. Стоп, а может, это был всего лишь сон? Космическая красotka на каблуках-шпильках, карлик с лицом обиженного мопса?.. Сейчас я проснусь, умоюсь, побреюсь и побегу на работу, а сон мой очень скоро развеется как дым, оставив о себе в качестве напоминания лишь капельку горечи. А что, эта гипотеза тоже имеет право на жизнь... вот только глаза откры-

вать почему-то подозрительно не хочется, умом-то понимаю ведь, что все не так просто. А, ладно: была не была... Тяжко вздохнув, все-таки заставил себя разлепить веки. Ага, сон... держи карман шире. Я в каком-то помещении, похожем на хлев, судя по запаху. Помещение сравнительно невелико, шагов пятнадцать в длину, а в ширину и того меньше, как минимум вдвое. Всю его площадь занимают кое-как сколоченные деревянные нары, причем дерево, похоже, не потрудились даже обтесать как следует — там и сям торчат сучки да заусенцы. Нет, не хлев это, обманул меня нос. Самый обыкновенный барак, в котором содержится вовсе не скот. Впрочем, судить за это мой нос явно не стоит, ведь он был введен в заблуждение миазмами человеческих испражнений, доносящимися из дальнего, затемненного угла помещения, которые, смешиваясь с запахом невымытых тел, и создавали этот всепроникающий «аромат».

Ничего не скажешь — мило. А главное — никаких ненужных излишеств. Лично мне спартанская обстановка всегда импонировала. Да ладно: шучу, конечно, шучу. А что мне еще остается? Не пялиться же в единственное на весь барак окно со щелями шириной в палец, из которых нещадно сифонит морозным воздухом? К тому же и далековато оно от меня, нары-то мои у противоположной стены, аккуратно рядом с массивной входной дверью, сделанной из неизвестного мне серебристого металла.

Стены... Только сейчас я обратил внимание на то, что материалом для них послужила какая-то странная пористая порода, причем они монолитны, ни единого шва не наблюдается; как и на самом потолке, впрочем. Что стены, что потолок — грязного сероватого цвета с отчетливо видимым налетом копоти. Откуда копоть — догадаться несложно, если повернуть голову чуть правее: там, ближе к середине барака, выложен небольшой очаг, почерневший от частого использования.

Барак, как про себя я назвал это убогое помещение, был абсолютно пуст. Не считая меня, конечно. Плохой знак, очень плохой. Остается лишь надеяться, что Эльвианору поместили в какое-то другое, более приличное место.

Ладно, хочешь не хочешь, а пора вставать. Осмотреться, проверить на прочность стены, окно да дверь своего нового жилища. Я свесил ноги с нар, встал, потянулся, разминая затекшие мышцы. Тишина, на мои телодвижения никто не реагирует. Тюремщикам наплевать, чем занимается их пленник. А может, оно и к лучшему: после того как я измочалил напавшего на мою спутницу «мопса», ожидать приличного приема с их стороны было бы полнейшей глупостью.

Подошел все-таки к окну. Вид из него открывался так себе, на троечку: унылая равнина, покрытая слоем бурой растительности вроде травы, полоска леса вдаль, где-то у самого горизонта. Ну вот и все, пожалуй, не считая узкой ленты дороги с растрескавшимся покрытием. На вид она казалась не то чтобы неухоженной, а скорее древней, от нее так и веяло чередой пролетевших тысячелетий. Куда она ведет, кто те безвестные строители, что соорудили ее посреди этой убогой пустоши, — откровенно говоря, на это мне было начхать. А вот на оконное стекло — нет. Поковырял его ногтем, саданул кулаком, а затем, разогнавшись как следует, в прыжке приложился к нему ногой. Реакции — ноль. Зато теперь становится понятным отсутствие металлической решетки.

Уяснив, что из места моего заточения просто так не выбраться, я почему-то сразу успокоился. Вновь забрался на свои нары, прикрыл глаза, представляя, что нахожусь где-нибудь на курорте, а свежий морской бриз, играя, теребит мне волосы, брызгает на лицо крупными солонатовой влаги...

— О слава Великому Терихоандронасу, вы живы!!!

— Да жив, жив... — пробурчал я словно последний зануда, хотя было чертовски приятно ощущать, как тонкие девичьи руки обвиваются вокруг моей шеи, а солонатовые капли влаги на поверку оказываются вовсе не игрой моего заспанного воображения, а самыми что ни на есть настоящими слезами, пролитыми, между прочим, в честь моего внезапного восставания из мертвых. — Господи, да что это с тобой? Ты почему вся такая грязная? — Я соизволил наконец открыть глаза и теперь потрясенно таращился на Эльвианору.

Да-а-а... от внешнего лоска моей спутницы не осталось и следа: волосы растрепанные, мокрые, некогда белая футболка

уже далеко не белая, да и сама девушка мало того что мокрая с головы до пят, так еще вся извазюкана в какой-то глинистой грязи отвратительного рыжеватого оттенка. К тому же она была не одна — мои нары обступили штук пятнадцать существ настолько между собою не схожих, что человека с более слабой нервной системой наверняка хватил бы удар, случись ему вдруг оказаться на моем месте. Одно из них, например, которое третье слева, щеголяло чудесным расписным панцирем, я успел как следует рассмотреть его, когда оно повернулось к своему соседу — миниатюрной хрупкой особи с лицом обиженной мартышки, у которой только что отобрали банан, и пробулькало ей нечто настолько невразумительное, что вот так, с ходу, я бы затруднился и повторить. К моему удивлению, «мартышка» ответила, причем на своем языке, но видно было, что они распрекрасно поняли друг друга. Ну, все понятно: видимо, все разумные существа в этой части галактики пользовались услугами симбионтов-переводчиков, как и Эльвианора.

— Эльвианора... Эльви, ты так и не ответила.

— Со мной? Ничего. Мы работали. — Девушку била крупная дрожь. Ого, да она не на шутку замерзла — а я-то, идиот, терзаю ее сейчас своими тупыми вопросами!

Мои свитер и куртка оказались слишком велики для нее, но это сейчас не имело никакого значения. Зато они были теплыми — вот что главное. Теплыми и сухими.

Когда моя подопечная немного отогрелась и смогла, наконец, разговаривать связно, я узнал от нее, что же это за место и какая нам всем уготована участь. Итак: занесло нас, по милости капризного господина Случая, на планету, носящую непримечательное имя Гнерия, планету-призрак, жители которой давным-давно вымерли вследствие то ли природного катаклизма, то ли войны, развязанной при помощи неизвестного оружия. Как бы то ни было — результат налицо. Почва планеты оказалась заражена каким-то вирусом, благодаря которому все живое умирало на ней весьма быстро. Три месяца — вот максимальный срок жизни, отпущенный любому биологическому организму, если уж его угораздило попасть на ее безжизненные просторы. Отсюда, кстати, рыжеватый цвет — и почвы, и са-

мой растительности. Планета-склеп, в которой безраздельно владычествует вечная осень.

Теперь о главном: карлики, захватившие нас, оказались не кем иными как черными археологами. А мы, то есть все присутствующие, должны были выполнять за них грязную работу. Бесплатная рабсила, удел которой — извлекать все ценное из-под обломков погибшей цивилизации, а потом, в один не прекрасный момент, каждый из нас опустится наземь мешком загноившейся подрагивающей плоти для того, чтобы больше никогда не встать. Нечего сказать, «приятная» перспектива.

— Хорошо. А что касается наших хозяев — они тоже умирают?

— Нет. Точнее, умирают, конечно. — Эльвианора с тоской смотрела сейчас на свои обломанные ногти, под которые намертво въелась вездесущая рыжая грязь. — Они работают вахтовым способом, по неделе. Кто отработал — больше сюда не возвращаются.

Вот оно как, значит. Неплохо устроились, сволочи.

— А эти? — Я обвел взглядом окружающих меня (как бы правильно их назвать... то ли людей, то ли нелюдей). — Эти-то как сюда попали?

— Эти? В точности такие же неудачники, как и мы. Кто-то потерпел аварию, кого-то похитили, кого-то продали в рабство родственники. Поверьте, не все разумные существа во Вселенной достаточно цивилизованны.

— Даже так? Ну ладно, учтем.

Что учтем? Зачем учтем? Выбираться отсюда надо. Выбираться, причем как можно быстрее. Разум мой заработал с утроенной силой, просчитывая всевозможные варианты бегства. Нет уж, ни за что на свете я не позволю умереть ни себе, ни этой... блондинистой стерве, растерявшей почему-то разом всю свою стервозность.

Мои суматошные размышления прервали неожиданные гости. Что-то в двери нашего барака щелкнуло, а затем она распалась во всю ширь, пропуская через себя небольшую процессию. На этот раз карликов было четверо. Двое из них тащили металлический чан, доверху наполненный каким-то варевом, остальные, судя по всему, исполняли роль охранни-

ков, в руках у обоих зажаты в точности такие же ящерицы, что и та, с которой нам уже «посчастливилось» познакомиться в день нашего пленения.

Ба! Да это же мой старый знакомый! Действительно: морда одного из охранников полностью перемотана бинтом, одни лишь глаза торчат. Мне вот сейчас кажется, или этот упырь и правда замыслил по отношению к моей персоне что-то недоброе? Мумия недоделанная.

Чан поставлен на пол возле очага, и вся четверка неспешно возвращается обратно. Господи, да неужто все обойдется? Я позволил себе спокойно вздохнуть лишь тогда, когда дверь захлопнулась за их спинами.

Не прошло, однако, и пяти минут, как она вновь распахнулась. На этот раз карлики были во всеоружии. Один держал в руках какую-то длинную палку с петлей на конце (похожие приспособления используют в зверинцах для усмирения диких животных), остальные трое вооружились чертовски знакомым мне оружием — самыми что ни на есть наиобыкновеннейшими бейсбольными битами.

— Илья!!!

Крик моей подруги по несчастью слегка запоздал. Не знаю уж, как я умудрился пропустить этот подлый удар локтем под дых — видимо, оружие в руках карликов пробудило во мне ностальгию по покинутой Земле, но прийти в себя мне уже не дали. Петля обвилась вокруг моей шеи и стала затягиваться, затягиваться, затягиваться... Сам же я оказался прижатым к стене и, пока один из мучителей продолжал удерживать меня на своей рогатине, остальные трое принялись заниматься тем, ради чего сюда и пришли. Удар сыпался за ударом: по голове, по почкам, по... Вообще, нет ничего более унижительного, чем быть избитым четверкой недомерков, самый высокий из которых макушкой достает тебе максимум до пупка.

Когда тело мое превратилось в сплошной кровоподтек, а руки безвольно опустились, не в силах блокировать бесчисленные удары, карлики соизволили-таки оставить меня в покое. Что было потом — не помню. Помню только пол, который приближался к моему лицу с головокружительной скоростью, но мне было уже абсолютно все равно.

— Илья, проснитесь! — Ну вот, кто-то вновь бил меня по щекам. Кажется, это уже входит в привычку. С того момента как меня угораздило познакомиться с этой девицей, я то и дело попадаю в разные передраги.

— Ну что там опять?

— Нам пора на работу.

— Да неужто? А я-то грешным делом подумал, что сегодня выходной!

Мой сарказм, к несчастью, никто не оценил. Туговато что-то с юмором у моих сокамерников. Но вставать было надо. *Надо*. Уже раннее утро, вот-вот за нами явится привычный эскорт из четырех охранников, а в том, что они не умеют ждать, я уже имел удовольствие неоднократно убедиться на собственной шкуре. Сегодня пошел уже пятый день, если я не ошибаюсь, со времени нашего пленения. Или шестой? Голова моя соображает сейчас весьма слабо, уж очень часто к ней прикладывались палкой.

— Илья!

— Ну хорошо-хорошо, встаю.

Я заставил себя приоткрыть синюшные щели, в которые превратились мои глаза, и в очередной раз мысленно проклял мстительного карлика, являвшегося каждый вечер по мою душу. Не знаю почему, но вчера он зверствовал особенно рьяно.

Все мышцы протестующее заныли, когда я принял подобающее прямоходящим вертикальное положение и теперь терпеливо ждал, прислонившись к стене, когда же откроется тяжелая металлическая дверь, знаменуя собой начало нового трудового дня.

Ждать пришлось недолго. Вскоре нас уже вели по широкому коридору с многочисленными ответвлениями; я знал, что в конце него нас ожидает еще одна дверь, в точности такая же, как и дверь нашей тюрьмы. Вообще здание, в котором мы сейчас находились, на самом деле было огромно, а то помещение, что я поначалу принял за барак для заключенных, являлось лишь небольшой его частью.

Вот и долгожданный выход. До чего же приятно вдохнуть полной грудью прохладный, пахнувший свежестью воздух! В такие минуты я вновь ощущал себя живым. Наш транс-

порт — двадцатичетырехколесный вездеход с крытым брезентовым верхом — приветливо подмигивает нам фарами, словно мы не рабы, а самые обычные туристы, приехавшие поглазеть на мертвый город.

— Осторожно, Илья.

Эльвианора помогает мне взобраться в кузов по узким ступеням выдвижной лестницы и садится на скамью со мной рядом, готовая каждую минуту поддержать мое тело, если надумаю вдруг вновь потерять сознание. В последнее время такое со мной случается все чаще: видимо, измученный ежедневными побоями организм выражает таким образом свое недовольство.

Вездеход везет нас по городским улицам. Сейчас они пусты и безлюдны, но легко можно представить себе то время, когда на них бурлила жизнь. Кое-где все еще попадаются полусгнившие остовы машин — вездеход их опасно объезжает, хотя свободно мог бы превратить в труху своим тупорылым носом и помчаться дальше, даже почти не сбавляя скорости. Но водитель осторожничает — улыбчивый карлик обожает свою машину, это заметно. Она для него как сестра, как... я бросаю косой взгляд на Эльвианору и вижу, что глаза ее полны слез. Ей наше маленькое приключение отнюдь не кажется забавным, это для меня, прожженного циника с шутовской улыбкой на посиневших губах, происходящее не более чем обычные трудовые будни. Пусть теперь и не на Земле, а здесь, на планете, название которой настолько прозаично, что постоянно так и норовит выскользнуть из памяти. Какая, по большому счету, разница? Я давным-давно привык, что жизнь моя ничего не стоит, я извечный должник и когда-нибудь непременно наступит тот день, когда придется заплатить по счетам.

— Эльви, почему я тебя могу понимать, а их нет? — Я кивнул на сидящего впритирку ко мне задумчивого субъекта — этакое шарообразного мохнатого то ли богомола, то ли кузнечика с очками в роговой оправе, оседлавшими идеально очерченный греческий нос.

— Вы имеете в виду профессора Буальвинара?

— Вообще-то я имею в виду всех их, — на этот раз я изобразил рукой широкий жест, охватывающий тот зоопарк, что

ютился сейчас с нами в кузове вездехода. — У них ведь в точности такие же, как и у тебя, лингвины, если не ошибаюсь?

— Верно, лингвины. Только не такие. Мой лингвин... как бы это правильно сказать, он несколько необычный. Весьма редкий и очень дорогой вид, рыночная стоимость одного такого лингвина — примерно как у небольшой планеты, вращающейся вокруг солнца класса G.

Ну да, а я как-то уже успел и подзабыть, что подопечная моя — не дочь какого-то там олигофрена, а единственное чадо самого что ни на есть настоящего межзвездного диктатора.

— Ага, вот оно, значит, как? Ладно, теперь все понятно.

Вездеход внезапно резко притормозил, заставив замолчать нас обоих. Брезентовый полог его распахнулся, и в глаза вновь ударили назойливые лучи света. Неужели приехали? Рановато что-то, обычно нас катали минут сорок.

Место, в которое завезли нашу группу на этот раз, было совершенно иным, чем прежние. Ранее мы работали в центре города на завалах некогда гигантского высотного здания, от которого теперь сохранилась лишь часть фундамента. Остальные его составляющие превратились в труху, она толстым слоем покрывала как сам фундамент, так и дороги вокруг него. Что было довольно-таки удивительно, кстати, поскольку другие здания в этом квартале выглядели абсолютно нетронутыми.

Теперь же, похоже, нас высадили где-то ближе к восточной окраине. Впрочем, откровенно говоря, мне было уже все равно. Без разницы, где работать, главное — прожить этот день и пережить вечер. Вот только привычного конвейера нигде не видно. А это уже настораживает. Я завертел головой в поисках чего-то неординарного и был вознагражден видом неторопливо выползающего из-за угла восьмипалого механизма.

— Что это? — Эльвианора тоже обратила внимание на странный аппарат и теперь во все глаза следила за тем, что же он сейчас будет делать.

Посмотреть действительно было на что. Вот эта машина подползает к двадцатидвухэтажной высотке, становится на задние лапы, будто приюхиваясь, а затем, словно уяснив что-то для себя, неторопливо отползает назад. Сейчас ее мордаблюдце весьма напоминает спутниковую тарелку: да она, в

сущности, даже подражает ей — тоже поднимается к небу на шее-шарнире. Впрочем, нет, не к небу. Она направлена на верхние этажи так заинтересовавшего ее здания.

То, что происходит потом, больше похоже на кошмарный сон. Басовитое гудение машины, испускающей невидимые волны, сопровождается тихим шелестом мельчайшей красноватой трухи, что дождем осыпается совсем неподалеку от наших ног. Верхних этажей больше нет, и я с ужасом понимаю происхождение этой красной пыли.

— Оно поедает стены!

Блондинки иногда бывают особо догадливы. Сейчас Эльвианора всего лишь тремя словами умудрилась описать то действие, что разворачивалось перед нашими глазами. Да, машина действительно, можно сказать, поела стены. Точнее — превращала их в труху, отправляя в небытие все артефакты погибшей цивилизации. Нетронутыми оставались лишь изделия из драгоценных металлов, ведь именно они интересовали наших захватчиков в первую очередь. Теперь я понял, почему на месте прошлых раскопок посреди квартала было лишь одно разрушенное до основания здание — карлики попросту уничтожили его точно таким же образом, как делают это сейчас. Очень скоро сюда доставят привычный конвейер, половина из нас будет зачерпывать ведрами пыль и загружать в его приемный бункер, а остальные примутся копать в ней в надежде найти хоть что-нибудь стоящее, иначе ни обеда, ни ужина никому из нашей команды не видать.

В своих предположениях я не ошибся ни на йоту. Действительно: едва машина покончила со зданием и отправилась во свояси, издав напоследок победный гудок, как тут же из-за поворота вынырнул еще один вздоход с конвейером на прицепе.

Сегодня работа спорилась. Не знаю уж, по каким критериям выбирали здания наши тюремщики, но делали они это явно не по простому наитию. Я сам лично выловил из пыли штук восемь массивных браслетов, четыре броши с крупными бриллиантами и целых сорок два кольца. Среди моего улова было и еще кое-что: нечто такое, что совершенно не вписывалось в рамки наших прежних находок. Восьмигранник из странного

материала, никоим образом не относящегося к драгметаллам. По виду он более всего походил на пластиковую детскую игрушку, практически ничего не весил и состоял из множества отдельных сегментов, испещренных непонятными символами на языке исчезнувшей цивилизации. Лично мне он более всего напоминал кубик Рубика, если не брать в расчет количество граней. находка эта меня настолько заинтересовала, что я впервые позволил себе совершить поступок, который вполне мог поставить под угрозу как мою жизнь, так и жизнь моей подруги по несчастью, что стояла со мной сейчас бок о бок у ненавистного конвейера и рылась в трухе своими некогда ухоженными пальчиками. Да, я рискнул совершить кражу, уповая на то, что наши тюремщики побрезгуют, как всегда, проводить полноценный обыск по окончании трудовой смены и ограничатся лишь беглым наружным осмотром.

Восьмигранник был небольшим и легко уместился во внутреннем кармане куртки. Как ему удалось уцелеть после того как машина захвативших нас карликов в считанные минуты превратила в труху целое здание — вот вопрос, который терзал меня до того самого момента, как нас вновь поместили в брюхо вездехода и повезли к базе пришельцев.

— Эльви, давай я тебе сейчас покажу одну занятную вещь, а ты мне скажешь, что это такое; идет?

— Хорошо. — В голосе девушки прозвучала легкая заинтересованность, на миг вытеснившая привычную апатию.

— Держи. — Я передал ей восьмигранник и теперь с замиранием сердца ожидал, какой же она вынесет вердикт моей неожиданной находке.

— Даже не знаю. Похоже на детскую игрушку. И выглядит как новая... Где ты это нашел?

Надо же, она впервые обратилась ко мне на «ты»!

— Там же, где и все остальное. Ума не приложу, как она смогла уцелеть.

— Покажу ее профессору Буальвинару: может быть, он знает?

Богомол, похоже, не знал. Битых пять минут крутил без толку мою находку в своих хитиновых лапах да озадаченно шевелил жвалами. Тоже мне, археолог.